

Надежда
Первухина

КОРОЛЕВСТВО НА ГРАНИ НЕРВНОГО СРЫВА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П26

Серийное оформление — *Ольга Жукова*

Иллюстрация на обложке — *Дарья Родионова*

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Первухина, Надежда Валентиновна.

П26 Королевство на грани нервного срыва : [роман] / Надежда Первухина. — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 320 с. — (Девушка без права на ошибку. Звезды юмористического фэнтези).

ISBN 978-5-17-982439-8

Угрозило меня стать женой гения! И при этом звездной принцессой. Вечной, дрын еловый мне в печень! Но недолго я радовалась семейной жизни. Мой муж — герцог Альбино Монтеessori, величайший поэт нашего времени, — скончался при странных обстоятельствах. И пусть он был подлецом, хладнокровным мерзавцем и самовлюбленным болваном, его смерть стала для всех потрясением. Но на этом неприятности не закончились: Оливия, дочь герцога, впала в летаргический сон, а меня объявили ведьмой. Жизнь в замке оказалась парализована, а народ маялся в печали, не зная, куда себя притулить.

О, святой Градусник! Кто, если не я, разберется во всем этом и наведет в королевстве порядок?..

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-982439-8

© Н. Первухина, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2018

*Посвящается Юлии.
Твоей улыбки достаточно для вдохновения.*

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ОТ СМЕХА ДО СТРАХА ДОСТАТОЧНО ПЕСНИ

— **В**аша светлость!
— Э, да...
— И... Ваша светлость!!!

— Ну, какого дрына?

— Оливия, прекрати самовыражаться. Петруччо, вечно вы с обновкой — с разодранным локтем. Достаньте календарь, введите меня в курс — не так, как хрип-хипарь, а с чувством, с толком, с расстановкой. Что там у нас, Петруччо?

— Его светлость изволил передать, что весь день он будет в Скриптории и просил его не беспокоить.

— О, это легче легкого!

— Командор Виктор Мессало сожалеет, но учитель фехтования для вас вряд ли появится в замке в ближайшие три дня. Погода, дороги развезло...

— Ага, погода. Эта погода называется кабачок «Прекрасная Розина». Пусть мессер Виктор отправит туда кого-нибудь. Наверняка фехтовальщик там. Пусть ему объяснят, что не следует заставлять ждать двух высокородных синьор. Только не калечить. Все?

— Маэстро Рафачелли с нетерпением ждет госпожу Оливию на очередной сеанс.

— Дрын мне в спину, если я хочу, чтобы с меня писали портрет! Люци, вот зачем?

— Я хочу тебя обессмертить, дорогая. И к тому же у мессера Рафачелли девять детей, ему надо как-то зарабатывать им на хлеб.

— Давай просто дадим ему мешок денег и кастрируем, а портрет в топку?

— Оливия, это нерационально. К тому же у художника есть своя гордость.. Петруччо, вы свободны. Ступайте, и пусть кто-нибудь из белошвеек заштопает ваш рукав.

— Да, госпожа. Хрип-хип — это пруха, рыцарей мочит хипарь Петруха!

— Жалко, что у нас крысиный яд закончился. Хрип-хип, надо же! И это в родовом поместье Монтеessori!

— Забей.

— Петруччо откланялся. Вот уже и славно. Продолжим партию?

— Само собой, мамочка, — ехидно прищурилась Оливия.

Оливия — единственная дочь герцога Альбино Монтеessori, великого поэта, гения, которого чтят не только на родине — в Старой Литании, но и по всему миру. Я же — Люция Монтеessori, супруга герцога и мачеха Оливии. Мою падчерицу это чрезвычайно веселит, поскольку мы с ней одноклассники, нам почти по шестнадцать. Скоро — пятого февраля — у нас день рождения, но в винные погреба мы регулярно наведываемся с тех пор, как отпраздновали Новый год. Домоправитель только разводит руками — я, будучи женой герцога, хозяйка всему, и дубликаты ключей от погребов у меня есть всегда. Только вы, далекий собеседник, не подумайте, что мы с Оливией — жуткие пьяницы. Мы вполне адекватные девчонки, но иногда любим подурочиться. Последний раз мы в погреба ходили не за вином. Мы надели простыни и с жуткими завываниями носились друг за дружкой. К нашему счастью, в погреб как раз спустились два поваренка. Теперь они так славно заикаются!

Но вернемся к настоящему моменту. В настоящий момент я и моя падчерица заняты игрой. Вполне благопристойной, если со стороны. Мы бросаем боевые дротики в днище дубовой бочки. Правда, тут сторонний наблюдатель может заинтересоваться тем, что бочка наполовину застряла в стене, и если зайти в комнату с другой стороны этой стены, верхней части бочки там не окажется. Дело в том, что на самом деле эта бочка — ме-

таморфическая реальность, обладающая сознанием, находящаяся одновременно в четырнадцати измерениях, и по каким-то своим соображениям *здесь* принявшая форму бочки. Точнее, полубочки. Может быть, в какой-то реальности, она мраморная статуя прекрасной девы. Или поле брюквы. Или музыкальная шкатулка. Мессер Софус, наш общий друг, о коем еще будет немало сказано, рассмотрев это явление со всех сторон, развел лапками: девочки, многомерность еще никто не отменял. Скажите спасибо, что у вас в замке параллельные прямые прямо в спальнях или в уборных не пересекаются. А чтобы бочка не пропадала впустую, вот вам набор из двадцати боевых дротиков, расчертите днище и обучайтесь меткости, глазомеру и ловкости рук. Еще мессер Софус растолковал нам кое-что простенькое насчет индивидуальных гравитационных полей, силовых линий, световых волн, и игра у нас пошла полным ходом!

— Мой черед метать, — заявила Оливия и принялась покачивать вперед-назад рукой с дротиком. Я смотрела на это дело толерантно. Я шла впереди Оливии на восемь очков, так что можно было дать ей насладиться вкусом минутной победы.

Оливия метнула. Дротик полетел со свистом и вонзился в днище на отметке «пять». В воздухе буйно запахло кишечными газами — бочка оце-

нила меткость моей падчерицы, вот оно метаморфическое сознание, ничего святого нет!

— Гадство, — пробормотала Оливия. — Давай, Люция.

Я честно не стремилась обойти Оливию. Себе дороже. С тех пор как она стала сажать в оранжерею хищные травы и цветы-убийцы, а в одной из пустующих галерей замка оборудовала террариум, мне совершенно не улыбалась перспектива обнаружить в постели гремучую змею. Или кактус-самострел.

Поэтому я прицелилась и пустила дротик, отлично зная, что Оливия повлияет на него своим гравитационным полем и он воткнется в тройку. Ну и пусть. В этой игре мне была важна Оливия, а не победа.

Дротик воткнулся в тройку. С потолка мне на макушку упала довольно увесистая неприятная жаба. Оливия ядовито захихикала.

— На, — голосом, полным фальшивого отчаяния, молвила я и вручила ей жабу. — Подселишь в свой террариум.

Пока же жабу посадили в горшок с фикусом. Этот фикус был вообще многострадальный. Чего только в него не выливали и не выкидывали, а он все так же мирно краснел и буйно колосился. Правда, иногда плакал тоненьким голоском. Мне временами казалось, что он все-таки не из нашей реальности, хотя я абсолютно ничего не понимаю

в фикусах, не мне судить. Может, у них, у фикусов, так полагается жить.

И тут наша игра была непотребнейшим образом нарушена.

Двери распахнулись, и на пороге комнаты объявился великий мастер кисти и резца Брунгильдус Рафачелли. Он стоял в своем алом берете с пышным плюмажем, в черном плаще с алым же подбоем и олицетворял собой глубочайшее возмущение.

— Дражайшая донна! — возопил он, обращаясь ко мне. — Я прибыл сюда, чтобы увековечить в красках лик вашей прелестной падчерицы. Сегодня должен быть сеанс. Я уже развел краски, и тут является этот наглый Петруччо, который, кстати, ворует у меня прекрасные колумбанские сигариллы, но это детали... Так вот, он заявляет, что сеанса не будет!

— Он лжет, маэстро, — наисмиреннейшим голосом молвила я. — Мы немедленно идем в вашу студию. Оливия, искусство не может ждать. Дротики в чехлы, протри лысину влажной салфеткой — и вперед, навстречу своему бессмертию!

Взгляд, коим одарила меня моя падчерица, не поддается никакому описанию. Боюсь, где-то далеко-далеко взорвалась еще одна галактика, такая мощная негативная энергия была аккумулярована в этом взгляде. И даже у меня ухо зачесалось.

Студией маэстро Рафачелли была самая светлая комната на втором этаже замка. Маэстро хотел (и справедливо) создать шедевр — и деньги достойные, и слава среди современников и потомков. Все пригодится. Именно поэтому в студии, помимо мольбертов, этюдников, мастихинов, ящиков с красками, имелись старинные резные кресла из черного дерева, задрапированные разными дорогушками тканями, серебряные блюда и кувшины, обвитые шелковыми цветами, и прочий антураж, в коем моя падчерица должна была блистать, как алмаз в бархатном футляре.

Да, но сигариллы?! Неужели этот прыщавый хрип-хипарь Петруччо тоже их таскает? Надо его зажать в каком-нибудь особо темном углу и доходчиво объяснить, что позволяемое хозяйке замка не позволено какому-то хрип-хипарю и полному балбесу. А то как-то совсем некрасиво получается.

— Я не одета для сеанса, — в последний раз решила отлынить Оливия, но я развернула ее от выхода железной рукой:

— Твое платье во-он там.

«Во-он там» стояла старинная ширма красного дерева, и Оливия прекрасно знала, что за нею находится. Парадное платье дочери герцога Альбино Монтеessori — это были не просто слова. Надеть его Оливия могла только с посторонней помощью — моей, подобно рыцарю, которого оруженосец облачает в парадные доспехи.

Маэстро радостно кинулся растирать краски и создавать антураж, а мы зашли за ширму. Я принялась раздевать Оливию.

— Я тебе этого никогда не прощу, — пообещала Оливия.

— Конечно.

— Я отомщу. Страшно отомщу.

— Не сомневаюсь.

— Не трогай панталоны! Они все равно не видны под нижними юбками!

— Судя по своеобразному аромату, ты носишь эти панталоны уже... неделю?

— Всего-то три дня! Четыре. Ну хорошо, да, неделю.

— Оливия, что милая Сюзанна говорила нам о повседневной гигиене юной девушки?

— Ты крыса. Мерзкая, кривоногая, старая крыса, которую запекли в сухарях!

— Безумно оригинально, но после сеанса я запихну тебя в ванну и лично проверю количество свежего белья в твоём комодке.

— И политая гнойным соусом!

— Да-да, как тебе будет угодно. Корсет надевай, пожалуйста. Не наизнанку, а то замуж никто не возьмет. Ох, зачем я только это сказала!

Маэстро деликатно покашлял, намекая, что мы слишком долго возимся.

— Минутку, маэстро! — крикнула я из-за ширмы. — Нам остались только гербовая лента и туфли.

— А геннин? — взволновался маэстро. — Разве геннин вы не станете надевать? Или хотя бы кружевную накидку?

— Повторяю, — прорычала Оливия так, что ширма опасно закачалась. — Я буду на портрете лысой! Я и в гроб сойду лысой! Такова моя воля!

Наконец мы вышли из-за ширмы. Точнее, я вышла, а Оливия медленно выплыла, как тяжело груженная баржа. Дело в том, что парадное платье герцогини сшито из исключительно тяжелого рытого бархата и золотой, колючей парчи. Весь корсаж так заткан алмазами и жемчугами, что они напоминают кольчугу, а не какой-нибудь узор. И без того скромная грудь Оливии за этой кольчугой скрылась окончательно, но мало того, сверху надевалось многоступенчатое ожерелье из различных драгоценных камней. Благодаря ежедневной гимнастике, которую я заставляю Оливию делать, шея ее стала достаточно крепкой. Как и все остальное тело — гибкое, сильное, стройное и изящное. Теперь уже не узнать в этой девушке, грациозностью напоминающей пантеру, ужасную калеку, уродца, которой брезговал даже собственный отец. Когда я появилась под сводами Кастелло ди ла Перла в качестве компаньонки для больной девочки, я еще не представляла, кем для нее стану. А главное, кем она для меня станет...

Кхм, вернемся к костюму. К плечам сзади крепился кунтуш — накидка, подбитая голубой

норкой. Да, еще наискосок шла гербовая лента из темного муара с вытканым гербом герцогов Монтессори. Пожалуй, все, включая длинные шелковые перчатки и туфли (тоже сплошная парча).

Маэстро оглядел Оливию и изрек:

— Сплендидо! Великолепно! Вы, ваша светлость, должны почаще надевать свой парадный костюм — это сразу зажигает в ваших глазах сияние высокородности и придает вашей осанке воистину божественную стройность!

Для пушей «божественности» осанки я Оливии за спину стальную линейку сунула. Мне за это крепко влетит после сеанса, но сейчас Оливия уже смирилась и решила терпеть два часа в парадном платье, чтобы потом предать меня лютой, мучительной казни. Казнь она за два часа продумает во всех подробностях, я уверена. Что ж, у меня тоже есть время придумать, как этой казни избежать.

Я скромно села в уголке студии возле ширмы, чтобы наблюдать сразу и за маэстро и за Оливией. Оливия восседала в старинном кресле и впрямь как какая-нибудь древняя богиня, у ее ног маэстро разместил раскрытый ларец с самоцветами, серебряные кувшины и венок из шелковых роз — все это символизировало богатство рода Монтессори и красоту самой Оливии. Я находила это вычурным и помпезным, но Рафачелли — художник, он так видит.

Наступила тишина, нарушаемая только шорохом кисти маэстро и его приглушенными восклицаниями — так он общался со своим творческим гением. Я внимательно посмотрела на Оливию — глаза ее были задумчивы и бездонны. Значит, она находится в процессе Сочинения Большой Каверзы. А я вдруг почувствовала себя ужасно сонной, что было совершенно не ко времени. Вот такой сонной, вялой и любящей весь мир, меня и сцапает Оливия, подложивши в постель ту же жабу или иглобрюхого геккона (живет у нее в террариуме, редкий экземпляр неповторимого уродства). Оливия прямо обожает этого геккона: у него, мол, потрясающий яд, парализующий человека на несколько часов, достаточно легкого укола одной иголкой. И взглядом своим он может вызвать приступ истерии. И даже какашки у него ядовитые — ни вкуса, ни запаха, — подсыпал врагу в суп, нет больше врага. В моем случае до какашек, конечно, дело не дойдет, но...

— Мне скучно, — капризно заявила Оливия. — Я тут сижу, как кукла фарфоровая, а вы развлекаетесь!

— Оливия, — тоном взрослой, сугубо разумной тетушки молвила я. — Маэстро работает, а я-то как могу развлечься, по твоему мнению? Дырки в гобелене считать?

— Вот-вот, — иногда у Оливии бывает о-очень противный голосок. — У тебя хоть есть